

Веч. Кобзон. - 1995. - 17 сент. - с. 2.
Дословно

Иосиф КОБЗОН:

«Я гораздо лучше, чем моя репутация»

Сегодня "ВК" перепечатывает выступление Иосифа Кобзона на пресс-конференции израильских журналистов, опубликованное в тель-авивском русскоязычном еженедельнике "Секрет" от 17 — 23 сентября 1995 года.

В тель-авивском пятизвездочном отеле "Дан" в "президентском", окнами на море, номере Иосиф Кобзон собрал пресс-конференцию. На ней он попросил журналистов защитить его честь и достоинство от кампании травли. Если, конечно, добавит артист, те посчитают, что такое возможно... Его монолог длился без малого три часа. Редакция, не изменяя сути, привела его в соответствие с журнальными возможностями.

Не скрою, что люблю слово "впервые". Первым выступал на Даманском, в Тынде, Братске и Зее, в Афганистане и Чернобыле. В Израиле я впервые побывал в 83-м. Дипломатических отношений между нашими странами не было, поездки кватировались ЦК КПСС и Израилем. Так вот, на встрече с Меиром Вильнером, председателем компартии Израиля, через "нельза" удалось договориться о моих концертах. Они тоже были первыми...

Было время, когда мое имя тут связывали с именем израильского бизнесмена Шабтая Калмановича. Никогда не таил добрых отношений с ним. Но никогда и не зависел от него финансово. В местной печати на это намекали, называя меня "бедным советским артистом". Бедным не был никогда, потому что много работал.

И вот с ужасом узнаю, в 88-м это было, что Калмановича арестовали по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза. Новость обескураживающая. Об этой грани деятельности Шабтая не знал. Да и потом, после освобождения, в разговоры "об этом" с ним не вступал. Потаенная, мне не нужная, жизнь. Однако дружба для меня понятие не конъюнктурное, и в один из ближайших наездов в Израиль я сумел-таки повидать его в тюрьме.

Так вот, судьба Калмановича привела меня в кабинет Александра Руцкого, тогда вице-президента России. Со времен Афганистана, куда с гастролями летал девять раз, я был с ним в добрых отношениях.

— Вопрос, — скажет мне Руцкой, — надо обойти с тыла. Сумей проинформировать Горбачева, что Россия намеревается обскакать Союз и первой заключить договор с Израилем. Авось что-то тут и прояснится...

Я поспешил к Борису Панкину — министру иностранных дел Союза и "мимоходом" обронил, что вот-де узнал в кулуарах, что Россия намеревается и т.д. И как в такой связи будет выглядеть СССР? "М-да...", — задумался Панкин.

И в тот же день у Руцкого зазвонил телефон: "А верно ли?" "Да, — отвечал тот. — А что, нельзя?!" И вскоре мир узнал еще об одном прорыве "железного занавеса" — о восстановлении дипломатических взаимоотношений СССР и Израиля. Лично мне было радостно, что я помог ускорить такую неизбежность...

Калмановича освободили весной 93-го, и я перевез его в Москву. Первым делом на лечение после двух операций в тюрьме. И второе. Требовалось, пусть на время, уйти от неприятия сограждан. Я-то знал их ярый, с шовинизмом граничащий патриотизм. В Москве ввел товарища в работу, и мы создали совместное акционерное общество "Лиат — Натали". Таинственно, но просто: Лиат — дочь Шабтая, Наташа — моя. Открыли по стране, в Москве и на юге сеть аптек. Потом они, аптеки, самым странным образом проклянутся в оголтелой кампании против меня...

Отсчет своей "напряженки" веду с апреля прошлого года, когда в Москве убили Отари Квантришвили.

В "Известиях" сообщили, что к месту убийства Квантришвили подъехал Кобзон, приоткрыл дверку, посмотрел на происшедшее и умчался, из машины не выйдя. Но я-то в тот день пел за океаном. Поначалу пресса была "мягкой" — с советами, с кем мне дружить или не дружить, что делать или не делать. Потом в прессе замелькало, что мне и коллегам по бизнесу может грозить расправа. С той поры вынужден общаться с охраной...

Потом вышел из тюрьмы Александр Руцкой. Позвонил мне, попросил о встрече. Я пошел, понимая, что будем находиться под наблюдением. Но у меня есть принципы, и я им изменять не желаю. Руцкой увиделся совершенно иным человеком, в нем исчезла пружина, что ли.

Встречался с ним последний перед этим раз на Пресне — в его многоэтажном окопе. По просьбе Юрия Лужкова, мэра Москвы, у которого я состою в советниках на общественных началах, и председателя ФСК Николая Голушко. Я четырежды за неделю до штурма побывал в Белом доме, где беседовал с Руцким и Хасбулатовым. Все знали, что тут я посредник. В стукачах никогда не ходил. Никогда за чужие спины не прятался... И расстрел Белого дома в упор я с понятным ужасом наблюдал по телевизору в Краснодаре...

Где и что сорвалось? Почему мои действия ушли как вода в песок? После каждого визита

на Пресню я докладывал свои соображения Лужкову и Голушко, и они, как понимаю, шли с вестями дальше. Ничего, получается, я не выхожу. Но задачу, как и сейчас видится, выполнил честно и недвусмысленно.

И вот встреча с Руцким в кафе. Руцкой явно нуждался в человеческой поддержке, и я его отлично понимал. Он сказал, что прежде всего хотел бы загладить свою вину перед детьми. И еще принести извинения двум людям — Лужкову и Громову. К словам первого он не прислушался, о чем сожалел. Второго, боевого генерала, своего командующего в Афгане, в запальчивости обвинил в трусости — тот не пришел к нему на баррикады. Громов, к слову, в те часы сидел на телефонах и сдерживал спецнасти дивизии имени Дзержинского от ввода в Москву. Случись такое — сколько бы еще дров наломали в белокаменной.

По мобильному телефону я соединил его с Лужковым и Громовым. Сам видел, как лицом он просветлел после тех разговоров. Лужков, кстати, пообещал ему попробовать организовать встречу с Президентом, чтобы сыскался в том разговоре и общий знаменатель. И чтобы закруглить эту тему, скажу, что Борис Николаевич от разговора этого ушел категорически. Его воля...

Начались неприятности у Лужкова. Прекрасный хозяйственник, он всегда чурался политики. Но вот ушел с поста нью-демократ Гавриил Попов, и эта самая политика в его кабинете вторглась. Он стал кому-то активно мешать. В "Российской газете" появился грязный фельетон "Падает снег", в котором, кстати, прокатились и по мне — без имени, но вполне прозрачно. Газете общественность дала отпор...

С Калмановичем бизнес прекратил. Человек от щелчков судьбы оправился и мог идти по жизни сам. В названии АО осталось одно имя "Лиат".

... На одном из концертов в "России", организованном по инициативе и на средства Виктора Степановича Черномырдина, уважаемого мною руководителя, в канун Дня Победы, он после выступления подошел ко мне:

— Иосиф, я тебе рекомендую: помирись с Президентом... — Тогда помогите. Не могу же я прийти к нему через все заслоны и заявить: "Борис Николаевич, давай мириться!"

— Не могу, — Виктор Степанович развел руками. — И никто не может. Кроме тех, о которых ты знаешь.

И я ответил, что пусть все останется как есть.

Из списков выступающих в концерте на Поклонной горе меня вычеркнули, там присутствовал Ельцин.

Я незлобивый человек. Но если на кого-то обижен, то знаю, за что. И хочу знать, в чем провинился. Так я пришел к мысли пообщаться с Президентом эпистолярно.

Письмо начиналось так: "Господин Президент, мне не в чем каяться. Я не прошу у вас прощения. Ни в чем перед вами не виноват. Вам должно быть памятно чувство опального гражданина. Потому вы сможете понять, что меня волнует..."

Я ни на что не претендовал. На приязнь тоже. Я просто попросил меня выслушать. Каждый имеет право не любить артиста Кобзона. Но и артист Кобзон тоже обладает правами на уважительное отношение к себе. К письму была приписка: "В случае, если не получу ответа на эту просьбу, буду вынужден опубли-

ковать ее в средствах массовой информации". Письмо я передавал через помощника Президента Льва Суханова. Тот его прочел и попросил убрать постскриптум. Он поахивал вызовом. Ответил, что ничего изменять не стану. Пусть все останется как есть.

Ответа нет, да и поступает ли к Президенту почта?

А публикации уже сыпались, как грязный снег. Еще начались преследования моего АО "Московит". Знакомый почерк. Проверки следовали за проверками, по 5—6 раз кряду. Ревизоры, ничего не найдя, уходили, чтобы объявиться вскоре снова. Требовалось что-то найти. И я "пошел на вы". Написал во все силовые структуры запрос с просьбой предъявить мне обвинение и... арестовать. Если против Кобзона есть компромат, то нужно принимать меры, а не дурить читающий мир.

Ответы пришли оперативно. В одном стиле, но из разных домов. Из ФСК профессору, народному артисту СССР И.Д. Кобзону, такой была "шапка" ответа, к примеру, отвечали, что досье на него отсутствует, противозаконные действия не отмечены, телефон не прослушивается. То же писали и из МВД России. Но кто же тогда задерживал мою служебную машину на пути из Шереметьева? Кто подзвонил мою команду в ее угоне у кого-то неназванного? Кто устанавливал в ней "жучок"?

В этом вот случае не хочу, точнее — не могу назвать человека. Поверьте, что должность его высока. Скажу, что генерал имарек попросил меня прийти к нему на службу. И я пошел. Мы горючили о чем-то с помощью бумажек. Тебе что-то писали. Ты на этой же бумажке что-то отвечал.

Вот так "говорили" долго и ни о чем. Пили чай. Снова чай. И я наконец спросил громко:

— Собственно говоря, по какому поводу вы меня пригласили?

Генерал странно встрепетнулся и покрутил пальцем над головой, изображая вертолетный пропеллер. Крутится что-то. А-а, где-то кто-то записывает.

— Спасибо, что меня навестили. Рад такому знакомству. Идемте, я вас провожу... В коридоре же он молча подал мне лист бумаги. Обычный лист с грифом "Совершенно секретно". Для служебного пользования. Нет подписи. Нет адреса. Лишь несколько абзацев досье. Досье на меня. Так сказать, официальная анонимка. Может, и оперативка для действия.

... Кобзон И.Д., такой-то год рождения, еврей, в настоящее время глава двух АО — "Московит" и "Лиат — Натали", содержит шесть игорных домов, занимается контрабандой антиквариата, драгкамней, оружия и наркотиков. Под прикрытием аптеки занимается наркобизнесом. Постоянно общается с агентами ЦРУ и Мосада. Имеет большое количество недвижимости за рубежом. Пособник мафиозных структур и их идейный вдохновитель. И так далее...

Какой на дворе год? Нет, в 37-м ни ЦРУ, ни Мосада не было. — И что же не приняли мер, — спрашиваю я. — Не арестовали? Не изобличили? Не проверили, на худой конец?

— С чего взяли, что не проверили? Проверили. И не мы одни. Доложили руководству о результатах, а документ остался для архива.

— Теперь, — говорю, — понятно, почему документ размножен. Если угрозы о моем уничтожении осуществляются, то вам ни-

чего не останется иного, как бьстренько опубликовать это досье в прессе. И только. Весь мир "осознает", кто есть Кобзон...

— Возможно, — невозмутимо ответил генерал.

Министр обороны Павел Грачев, с афганских времен для меня — Паша, пригласил меня в инспекционную поездку в Таджикистан. По той поре я хотел сблизить симпатии друг к другу Грачева и Громова, мне хотелось, чтобы мой друг, не пришедшийся в коридорах власти, служил достойно, а не суетно, потому на такой вояж согласился.

Уже под занавес той встречи командующий объединенными миротворческими силами генерал Пьянков и Рахмонов, лидер Таджикистана, вдруг предложил присвоить мне по сумме заслуг звание... Героя России. Ну, право, шутники!

— А что? — поднял брови Грачев. — Коллегии предлагаю проголосовать. Я — за...

Проголосовали единогласно. Я стал пояснять, что не время для шуток.

— Это не ваш вопрос, товарищ маршал...

В его кругах меня так звали — товарищ маршал.

В самолете на обратном пути генерал Высоцкий, Герой Советского Союза, начальник управления по кадрам Минобороны, подсел ко мне и стал выспрашивать мою "объективку".

— Да бросьте же, — уже сердился я.

— Как же бросить, — взгрустнулось Высоцкому, — ведь приказано Героя прокрутить в три дня.

... Приказано прокрутить Героя.

Я называю только факты. И публикации не страшусь. Я хочу, чтобы меня услышали.

... В газете "Вашингтон таймс" от 6 марта меня повысили: "Царь всей русской мафии, известный певец Иосиф Кобзон, в банду которого входят мэр Москвы Лужков, генерал Громов и президент Мост-банка Гусинский..." Заметьте, не главарь, не вожак, а царь. И дальше строчки из досье. Деньги для мировой мафии, оказывается, я вывожу через Германию в чемоданах. И у заинтересованной в разоблачении стороны имеется, мол, мой снимок, где я иду с кейсом, в котором хранятся эти самые деньги. Интересно, как по фото они определили, что в том кейсе деньги, а не презервативы или бумаги? И почему меня не "заловили" с этими деньгами?

Я предъявил иск газете. Та сослалась на то, что сведения к ним поступили из ЦРУ. А в ЦРУ откуда? Предстоит теперь судиться с ЦРУ. С месяц назад, в

конце июня, меня любезно пригласили утrenchком посетить американский медицинский центр, а в час явиться к консулу.

Иду, потому что перед этим получил извещение, что выданная в конце прошлого года американская виза у меня аннулирована. В медцентре врач, говорящий по-русски, смущенно сообщил, что требование весьма странное, с которым он лично сталкивается едва ли не впервые. Короче, мне надобно пройти обследование на СПИД и сифилис...

Ей-ей, не знаю, зачем для визита к американскому консулу за аннулированием визы нужно проходить такие уникающие достоинство человека процедуры да еще и за 150 долларов.

Консул сидел за пуленепробиваемым стеклом, а я перед ним стоял, потому что ступень в той камерке не было. Он забрал паспорт, попросил обождать минутку. Действительно, скоро возвратился и сообщил, что виза моя закрыта.

... 36 лет я отдал эстраде, дал тысячу шефских концертов, содержу детские дома, не страшился пуль и вот стал преступником, за которым преступлений нет.

Мой приезд в Израиль отчасти вызван этой вот исповедью. И еще тем, чтобы в глаза взглянуть журналисту, который в израильской главной газете "Едиот ахранот" красочно изложил версию ИТАР — ТАСС обо мне:

"... будучи евреем по национальности, занимая влиятельное положение в России, Кобзон стал своеобразным министром иностранных дел преступных сил России... он стал казначеем ворской кассы и выступает в газетах, защищая воров в законе...". Ну откуда все это?

Я не хочу судиться с "Едиот ахранот", хотя выиграть этот процесс у меня нет проблем. Я не хочу судиться с Израилем, потому что и его вслед за Америкой ввели в заблуждение. В прошлом году Всемирная лига евреев назвала меня "Лучшим евреем года". Я сидел на вручении диплома рядом с Лари Кином, известным телекомментатором, другим лауреатом, и никак не думал, что в Израиле меня окрестят "худшим евреем". Господа, мир может обратиться в огромный 37-й год, если мы будем бездумно идти на поводу бесчестных служб. Служб, что не могут раскрыть ни одно заказное убийство, но вольно или невольно наводят прицел на новое. Господа, я зову к бдительности...